

АРХИЕПИСКОП ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ)

Михаил
Одигилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Михаил Иванович Одинцов
Архиепископ Лука
(Войно-Ясенецкий)
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1980

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70187473

*Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): Судьба хирурга и Житие
святителя / Михаил Одинцов: Молодая гвардия; Москва; 2023*

ISBN 978-5-235-04805-8

Аннотация

В истории Русской православной церкви архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961) стоит особняком. Он соединил в себе, казалось бы, несовместимое: был выдающимся хирургом, спасавшим людей в трех войнах – Русско-японской, Гражданской и Великой Отечественной, оставившим научное наследие, ценность которого признается и по сей день, – и был выдающимся церковным деятелем, бесстрашно отстаивавшим русское православие и стойко перенесшим тяготы одиннадцати лет скитаний по тюрьмам и ссылкам.

И ныне, спустя шесть десятилетий после кончины, память о нем живет и в научной, и в церковной среде. Открыты музеи

и постоянно действующие выставки, установлены памятники и мемориальные доски, учреждены премии и стипендии, сняты фильмы и изданы книги, посвященные врачу В. Ф. Войно-Ясенецкому. И вместе с тем святитель Лука был причислен сначала к лику местночтимых святых, а затем, в 2000 году, – и к лику святых для общецерковного почитания. Возводятся храмы в его имя, пишутся иконы и молитвы, совершаются богослужения.

Данная книга – это труд светского историка-религиоведа, который подходит к описанию и осмыслению судьбы хирурга-епископа прежде всего с научных позиций, опираясь на разнообразные архивные источники и документальные материалы, привлекая вновь открывшиеся обстоятельства жизни архиепископа Луки, а также раскрывая содержание и зигзаги вероисповедной политики советского государства в 1920—1960-е годы.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	39
Земская медицина в Российской империи	39
Симбирская губерния. Город Ардатов. 1905	45
Курская губерния. Деревня Верхний Любаж, город Фатеж. 1905–1908	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Одинцов Архиепископ Лука (Войно- Ясенецкий). Судьба хирурга и Житие святителя

*К 145-летию со дня рождения архиепископа
Луки (Войно-Ясенецкого)*

...Вы спросите: «Господи, Господи! Разве легко быть гонимыми? Разве легко идти через тесные врата узким и каменистым путем?» Вы спросите с недоумением, в ваше сердце, может быть, закрадется сомнение, легко ли иго Христово? А я скажу вам: «Да, да! Легко, и чрезвычайно легко». А почему легко? Почему легко идти за Ним по тернистому пути? Потому что будешь идти не один, выбиваясь из сил, а будет тебе сопутствовать Сам Христос; потому что Его безмерная благодать укрепляет силы, когда изнываешь под игом Его, под бременем Его; потому что Он Сам будет поддерживать тебя, помогать нести это бремя, этот крест.

Говорю не от разума только, а говорю по собственному опыту, ибо должен засвидетельствовать вам, что, когда шел я по весьма тяжкому пути, когда нес тяжкое бремя Христово, оно нисколько не было тяжело, и путь этот был радостным путем, потому что

я чувствовал совершенно реально, совершенно осязательно, что рядом со мною идет Сам Господь Иисус Христос и поддерживает бремя мое и крест мой.

...Не бойтесь же, идите, идите смело. Не бойтесь тех страхов, которыми устрашает вас диавол, мешающий вам идти по этому пути. На диавола плюньте, диавола отгоните Крестом Христовым, именем Его. Возведите очи свои горе – и увидите самого Господа Иисуса Христа, Который идет вместе с вами и облегчает иго ваше и бремя ваше. Аминь.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в

1933 году М. Горьким

Выпуск
2185

(1980)

© Одинцов М. И., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2023

Глава 1

Родословная. Детство и юность. Выбор пути 1877–1905

Религиозного воспитания я в семье не получил, и, если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца.
Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Старинный род «Войно» («Войны») происходил, согласно «Гербнику Польскому», «из русских князей, из Руси, а не из России», то есть из живших в Киевской Руси еще до монгольского нашествия. Поскольку Литва после захвата западнорусских земель в XIV веке приняла православие и русский язык в качестве государственного, а обосновавшиеся в Галицкой Руси поляки поначалу на права православных не посягали, то русские княжеские и боярские роды охотно пошли на службу к новым властителям. Так было и с родом Войно. Но Литва недолго была православной, а поляки – терпимыми. Они всячески подталкивали русских князей и воевод к принятию католичества, суля им златые горы и реки, полные вина, или, напротив, угрожая лишить их шляхетского

достоинства. Не смогли избежать соблазна окатоличивания и Войно.

Одним из первых в роду католиком стал Адам Войно, получивший в 1435 году от князя Болеслава Мазовецкого имение в Бельской земле. Потомство Адама Войно разделилось на множество ветвей, принявших прозвища от названий имений, которыми они владели. Так появились Войно-Шубы, Войно-Пецки, Войно-Скварки, Войно-Трубники, Войно-Оранские, Войно-Ясенецкие и прочие. Усадьбой Ясенец в Новогрудском воеводстве, давшей название этой ветви рода, Ясенецкие владели до 1720-х годов.

Во время расцвета Польско-Литовского государства представители рода Ясенецких-Войно¹ были среди придворных польских и литовских властителей, на высоких военных и административных должностях, получали дворянские титулы за воинскую доблесть на полях сражений. Все эти «местники», «стольники», «каштеляны», «чашие», «скарбники и подскарбники» владели изрядными имениями на территориях нынешней Белоруссии и Западной Украины. Но с конца XVII века должности, занимаемые Ясенецкими-Войно, начинают мельчать, род беднеет. В начале XVIII столетия

---

¹ Именно так представители этого рода именовались во всех официальных документах. И это написание используется в книге. Однако в конце 1920-х годов будущий святитель Лука по неизвестным нам причинам стал постоянно придерживаться иного написания своей фамилии: «Войно-Ясенецкий». В целях единообразия, в книге везде в отношении В. Ф. Войно-Ясенецкого используется принятое им написание фамилии.

потомки воевод и вельмож становятся прапорщиками Королевской гвардии, священниками, судьями. К XIX столетию род Ясенецких окончательно обеднел, его представители превратились в лучшем случае в землепашцев, да и то находившихся на грани разорения.

Из документов известно имя деда будущего святителя Луки Крымского – Станислав (род. около 1820), как и имя прадеда – Иосиф. Они были потомственными дворянами, внесенными в VI часть родословной книги Могилевской губернии. Станислав Иосифович доживал свой век в Сеннинском уезде Могилевской губернии. Из добра в хозяйстве были старенькая мельница да курная изба, а ходил он в самодельных лаптях. Та же участь ждала его детей и внуков.

Но одному из детей – Феликсу Станиславовичу (1841–1931) – удалось прервать череду нищающих поколений предков. Он окончил гимназию, в 1862 году сдал экзамен на медицинском факультете Киевского университета и получил звание аптекарского помощника («фармацевт средней квалификации»). В феврале 1866 года в том же университете он был удостоен звания провизора («фармацевта высшей квалификации»). В марте-апреле того же года Феликс стал управляющим единственной «вольной» (частной) аптеки в уездном городе Ахтырка Харьковской губернии. Владелец аптеки являлся аптекарский помощник Веттерлинг.

В конце XIX века город становится центром торговли и кустарных промыслов. Общероссийскую известность имел

здешний Троицкого-Благовещенский мужской монастырь, где хранилась чудотворная Ахтырская икона Божией Матери Всех Скорбящих Радость. Проживало в городе около двадцати тысяч человек.

В те времена шло активное заселение Крыма, начавшееся еще при Екатерине Великой, и переселенцам предоставлялись различные льготы. Воспользовавшись такой возможностью, Феликс Станиславович в октябре – декабре 1867 года переезжает к новому месту работы – в уездный город Перекоп в Таврической губернии, находящийся на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком. Здесь он исполнял обязанности управляющего «вольной аптеки», принадлежавшей провизору Д. И. Кундину².

29 сентября 1868 года 27-летний Феликс Ясенецкий-Войно, римско-католического вероисповедания, обвенчался в Николаевском соборе города Перекоп с 19-летней Марией Дмитриевной Кундиной (1849–1928), православного исповедания, дочерью владельца аптеки³. В наши дни известно, что в семье было 14 детей, но лишь пятеро из них достигли совершеннолетия, остальные умерли в детском возрасте, и мы не располагаем даже краткими сведениями о них.

По законам Российской империи в семьях, где хотя бы один из родителей принадлежал к государственной Российской православной церкви, дети обязаны были воспитывать-

---

² Некоторые исследователи полагают, что фамилия провизора была Кудрин.

³ ГА РК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 6. Л. 113.

ся в православной вере и быть членами Православной церкви.

Всю заботу о доме и детях взяла на себя Мария Дмитриевна, происходившая из харьковского мещанского рода Кундиных. Хотя она и была воспитана в православных традициях и посещала храмы в тех местах, где пришлось жить Ясенецким, но потом как-то охладела и молилась в основном дома. Семейные предания рассказывают о том, что после смерти своей дочери Ольги (1901 год) Мария Дмитриевна, как положено по обряду, принесла в храм блюдо с кутьей и серебряные ложечки. Когда литургия закончилась, она заглянула в алтарь и обомлела: два священника ссорились из-за ее дара, вырывая его из рук друг друга. Это настолько ее обидело и шокировало, что более она не переступала порог храма. Хотя по большим праздникам, пусть и на короткое время, приходила в свой приходской храм⁴.

В Перекопе в семье родилось двое детей: Владимир (1872–1932) и Александр (1874), вскоре умерший 30 октября 1875 года в городе Керчи «от воспаления» и похороненный на городском кладбище у подножья горы Митридат⁵.

---

⁴ Думается, что не имеет никаких оснований высказываемое некоторыми авторами утверждение о том, что Мария Дмитриевна исповедовала некий «протестантизм». См.: *Дамаскин (Орловский), архимандрит. Житие священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Козельск, 2018. С. 13.*

⁵ См.: *Носков А. И помнит мальчика Валу гора Митридат... Новые материалы по керченскому периоду жизни свт. Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) // Ду-*

Спустя годы, вспоминая правила и традиции в семье, архиепископ Лука свидетельствовал: «Два брата мои – юристы⁶ – не проявляли признаков религиозности. Однако они всегда ходили к выносу Плащаницы и целовали ее, и всегда бывали на Пасхальной утрени»⁷.

Надо полагать, что после бракосочетания Феликс Станиславович напрямую занимался делами ставшей теперь семейной аптеки. Чуть позже он перевел ее в пригород Перекопа – село Армянский Базар, находившееся в трех верстах (ныне город Армянск в Республике Крым). Однако особых доходов аптека не приносила, и пришлось ее отдать за долги другому владельцу.

В мае-июне, а может, и осенью 1875 года Ясенецкие переехали в небольшой крымский городок Керчь, вскоре вошедший в состав Таврической губернии. Он имел славную, более чем двухтысячелетнюю историю, в течение которой носил разные названия: Пантикапей, Боспор, Корчев, Черкио. И все это время над ним молчаливо и величаво возвышалась святая гора Митридат, будто магнит притягивавшая к себе царственных особ и вельмож, путешественников и паломников, поэтов и живописцев. В 1820 году побывал здесь

ховно-нравственное воспитание (Научно-просветительный журнал). 2015. № 8. С. 62–64. Ныне на месте кладбища пустырь, расположенный западнее Афанасиевской церкви.

⁶ Наверное, имелись в виду Владимир и Павел.

⁷ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 9.

и российский гений Александр Пушкин, писавший 24 сентября своему брату Льву Пушкину: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я, – на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных – заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни – не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, – вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий – но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится». Спустя более полутора столетий, в 1999 году, благодарные керчане установили поэту памятник.

Город пережил много взлетов и падений, несколько раз разрушался во время войн и вновь восстанавливался. В 1870-х годах он представлял собой скромную провинцию и только-только оправился после разрушения и ограбления английскими войсками в ходе Крымской войны. Постепенно открывались механический и цементный заводы, консервная и табачная фабрики, восстанавливался морской порт. Число жителей выросло почти до 30 тысяч. По своим религиозным убеждениям они принадлежали к Православной

и Старообрядческой, Римско-католической и Армяно-григорианской церквям, к исламскому и иудейскому вероисповеданиям. Самым оживленным местом городка являлся базар, куда стекались в торговые дни представители разных национальностей: русские, татары, украинцы, немцы, евреи, караимы, греки, армяне.

В начале 1876 года Ф. С. Ясенецкий-Войно стал управляющим аптеки, принадлежавшей известному керченскому провизору Н. И. Соколовскому и располагавшейся в большом многоквартирном доме Мазани (по фамилии владельца, городского головы Николая Ивановича Мазани) на углу улиц Строгановской (ныне улица Кирова), дом 1, и Воронцовской (ныне улица Ленина), дом 79, напротив фонтана В. Я. Гущина⁸. Здание было разрушено в годы Великой Отечественной войны. Сейчас примерно на его месте располагается центральное почтовое отделение (улица Кирова, 1).

Феликс Станиславович надеялся, что здесь для него откроются новые деловые возможности, а дети смогут получить хорошее образование. Он был вечно занят делами и мало видел свое семейство. По вероисповеданию он, как и его предки, был католиком, посещал костел Успения Пресвятой Девы Марии, находившийся в центре города на Дворянской улице (ныне Театральная, 30). Тихий по натуре, набожный, он много молился дома, но религиозных взглядов своих ни-

---

⁸ Отметим, что есть и иные предположения о месте проживания семьи Ясенецких-Войно в городе Керчи.

кому в семье не навязывал. Сам архиепископ Лука вспоминал о своем отце: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В нашей православной семье он, как католик, был несколько отчужден»⁹.

Костел по просьбе католической общины был воздвигнут в 1883 году на месте прежнего церковного здания, сооруженного в 1831–1840 годах и пришедшего в ветхое состояние. Поскольку католиков в Керчи было немного, средства предоставили заграничные жертвователи. Неизвестные архитекторы построили здание в лучших традициях классического стиля. В послереволюционное время его ждала судьба многих храмов в России: он был закрыт; одно время в нем был оборудован кинотеатр, а позже спортивный зал. Лишь в 1992 году храм вернули общине, и в нем проводятся богослужения.

Поначалу фармацевтика была основной деятельностью Феликса Станиславовича, но уже в середине 1876 года он также стал агентом Санкт-Петербургской компании «Надежда», которая действовала в Керчи с 1867 года и занималась страхованием имущества от огня и от повреждения или потери при доставке по воде или сушей. С того же времени он

---

⁹ Цит. по: Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 9.

становится и агентом банкирской конторы, занявшись реализацией ценных бумаг Государственного банка: выигрышных пятипроцентных билетов внутренних I и II займов.

За годы пребывания в Керчи семья Ясенецких меняла места проживания. В 1875–1878 годах они снимали квартиру в приходе Троицкого собора. Собор этот поистине был архитектурным украшением города. Здание строилось в 1829–1835 годах и было освящено 1 октября 1835 года архиепископом Херсонским и Таврическим Гавриилом (Розановым). Судьба его печальна: в 1931 году храм был закрыт, и в нем разместили продовольственный склад. В годы Великой Отечественной войны здание было разрушено. В память об этом храме в 2011 году на жилом доме по адресу: улица Пирогова, дом 27, где ранее, предположительно, и находился собор, установлена памятная доска с его изображением.

Именно здесь были крещены двое детей: Ольга (родилась 3 февраля 1876 года, крещена 25 февраля)¹⁰ и Валентин – будущий архиепископ Лука, родившийся 14 апреля 1877 года¹¹ и крещеный 1 мая. Таинство в Троицком собо-

---

¹⁰ Здесь и далее все даты до февраля 1918 года даются по старому стилю. Напомним, что к датам XIX века для перевода их на новый стиль следует прибавлять не 13, а 12 дней.

¹¹ Именно эта дата зафиксирована в метрической книге Троицкой церкви (по новому стилю 26 апреля). См., например, ксерокопию в книге: *Лисичкин В. А.* Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2017. С. 22–23. Но по-прежнему в различных исследованиях, в том числе и в Интернете, встречаются неверные даты рождения Валентина: 26 и 27 апреля, 9 и 13 мая и т. д. Некоторые исследователи ошибочно определя-

ре совершил благочинный протоиерей Иоаким Васильевич Щербинин с дьяконом Феодором Феодоровичем Гладким. Крестными родителями стали статский советник Александр Павлович Розов (врач Таврической духовной семинарии и главный врач Симферопольского военного госпиталя, доктор медицины) и жена коллежского советника Агафия Стефановна Бутович. Восприемники были хорошими знакомыми семьи Ясенецких. Во крещении мальчик наречен Валентином, что значит «сильный», «крепкий», – в честь священномученика Валентина Интерамского. Согласно церковным преданиям он был епископом города Интерамны в Умбрии (Италия), обладал способностью врачевать болезни, призывая имя Господа Иисуса Христа. В правление императора Аврелиана (270–275) святой, отказавшись отречься от христианской веры, был усечен мечом.

В 1878 году Ясенецкие переехали в просторный угловой двухэтажный дом, который сохранился до настоящего времени и расположен по адресу: улица Дубинина, 28. В нем семья проживала до 1888 года. Дом этот располагался в приходе другого известного городского православного храма – Александро-Невской церкви, устроенной в 1860 году

ют в качестве места крещения Валентина Войно-Ясенецкого Иоанно-Предтеченский собор. В какой-то мере это связано с тем, что в 1997 году на фасаде Иоанно-Предтеченского храма установлена табличка с текстом: «Святитель Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий) архиепископ Симферопольский и Крымский, доктор медицинских наук, профессор хирургии. Родился (14) 27 апреля 1877 г. в Керчи, принял крещение 1 (13) мая 1877 г.».

в бывшем здании музея древностей на горе Митридат на городские средства и на средства, пожертвованные почетным гражданином И. Митровым. Освятил церковь 12 июня 1861 года епископ Таврический и Симферопольский Алексий (Ржаницын). В 1883 году храм ввиду угрожающей опасности – появления трещин в стенах здания – был закрыт.

Здесь у Ясенецких-Войно родились две дочери: в 1878 году Евгения, которая умерла в 1879 году в девятимесячном возрасте; и Виктория (после 1882 года?).

В 1879 году Ф. С. Ясенецкий-Войно стал также комиссионером (торговым представителем) Екатеринославской техно-химической лаборатории, открыв продажу при аптеке чернил и красок для различного применения: от ручного копирования до типографской печати. Помимо работы в страховой компании «Надежда» Феликс Станиславович по-прежнему производил размен купонов, покупку и продажу всяких процентных бумаг, страхование билетов внутреннего займа.

Несмотря на аптекарский бизнес, в общем-то весьма не доходный, глава семейства был не чужд благотворительности. Документы свидетельствуют, по крайней мере, о трех фактах. Летом 1876 года Ф. С. Ясенецкий-Войно внес 3 рубля по сборам в поддержку восставших балканских славян. В декабре 1877 года, когда Общество керченских врачей открыло лечебницу для приходящих больных, где врачи за свои услуги денег не брали, Феликс Станиславович в своей ап-

теке по рецептам врачей отпускал бедным лекарства с 30-процентной скидкой. А в 1880 году Керченский попечительный о тюрьмах комитет изъявил провизору искреннюю благодарность за пожертвованные им для заключенных тюремного замка медикаменты на 18 рублей 52 копейки.

На рубеже 1880/81 года семейство по каким-то причинам планировало навсегда покинуть Керчь. Начали распродавать мебель и разные хозяйственные принадлежности. Ф. С. Ясенецкий-Войно оставил службу в страховой компании «Надежда». Поначалу семья перебралась в Херсон¹², где в июне 1881 года у них родился еще один ребенок – сын Павел (1881–1920?)¹³. Крещен он был в Успенском кафедральном соборе Херсона, а его крестным (восприемником) стал «потомственный дворянин Станислав Иосифов Ясенецкий-Войно», по всей видимости, отец Феликса Станиславовича, приехавший по такому случаю из Могилевской губер-

---

¹² По другим данным, в Херсон выезжала лишь Мария Дмитриевна Ясенецкая-Войно. Обстоятельства и причины ее поездки не известны.

¹³ Е. И. Каликинская в своей книге «Детство со святителем Лукой по воспоминаниям родных и близких святителя Луки Крымского» (М., 2020) на с. 15 передает следующую информацию Н. Н. Сидоркина о нем: «Отец мамы – Павел Феликсович – был младшим братом Валентина Феликсовича, личностью незаурядной. Закончил юридический факультет Киевского университета и консерваторию по классу фортепиано. В годы Первой мировой войны получил чуть ли не все мыслимые награды, а в 37 лет погиб в гражданской войне, сражаясь на стороне красных. Недавно были найдены документы в архиве Красной Армии 1919 г., подтверждающие это». Правда, в книге не раскрывается, о каких документах идет речь. Не соответствует дате рождения и указанный возраст гибели Павла.

нии ¹⁴.

Но в 1882 году Ясенецкие вернулись в Керчь и прожили там еще как минимум пять лет. В год возвращения Ф. С. Ясенецкий-Войно был принят на службу в аптеку военного ведомства. В 1887 году семья переехала в город Болград – на тот момент сравнительно небольшой городок с населением в 10 тысяч человек, лишь недавно, после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, отошедший к Российской империи и чуть позже, в 1890 году, ставший безуездным городом Измаильского уезда Бессарабской губернии. Это был центр хлебной торговли; там работали салотопенные, мыловаренные и кирпичные заводы, действовали мужская гимназия, женская прогимназия, городское училище, приходское училище, а также православный собор.

Здесь Феликс Станиславович в последний раз после Керчи вернулся к фармацевтическому делу, открыв собственную аптеку. В 1888 году глава семьи перевелся в Кишиневский госпиталь военного ведомства, и все переехали в Кишинев – центр Бессарабской губернии, крупный промышленный, транспортный, торговый, финансовый и сельскохозяйственный центр Юга России.

В 1889 году Ясенецкие переехали в Киев и поселились в центре, на Крещатике. Феликс Станиславович вновь устроился в страховую кампанию «Надежда», где в общей сложности проработал более двадцати лет, в том числе возглавляя

---

¹⁴ ГА ХО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 11. Л. 138 об., 139.

киевское отделение.

Валентин завершил среднее образование во 2-й Киевской мужской гимназии (1896 год)¹⁵. Родители, заметив страсть сына к рисованию, отдали его одновременно учиться и в Киевскую художественную школу. Увлечение живописью было так сильно, что после окончания гимназии Валентин решил поступать в Петербургскую Академию художеств. Но уже во время вступительных экзаменов передумал, придя к убеждению, что должно делать не то, что нравится лично, а то, что полезно для страдающих людей. Попытался поступить в Киевский университет на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты. Тогда юноша поступил на юридический факультет, где с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право. Но через год Валентина опять непреодолимо повлекло к живописи, и он отправился в Мюнхен, где поступил в частную художественную школу профессора Генриха Книрра. Правда, проучился там лишь три недели и, мучимый тоской по родине, возвратился в Киев.

Здесь Валентин размышляет о богословских и философских вопросах, каждый день ходит в Киево-Печерскую лавру, посещает храмы, где делает массу зарисовок, набросков, эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, странни-

---

¹⁵ Первоначально, проживая в Керчи, в 1886–1887 годы, Валентин обучался в подготовительном и первом классах Керченской Александровской мужской гимназии. При переезде семьи в Кишинев, он продолжил учебу в Кишиневской 2-й гимназии.

ков. В духовной настроенности юноши большую роль сыграла книга, подаренная по окончании гимназии, – Новый Завет, который он читал и перечитывал постоянно. Особенно произвели на него сильное впечатление слова Иисуса Христа, обращенные к своим ученикам: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9: 37–38). Когда он читал этот текст, у него вырвались слова: «О, Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!»

На мировоззрение Валентина большое влияние, как он сам признает, оказал старший брат – Владимир, студент-юрист. В среде тогдашнего студенчества широко обсуждались проблемы простого народа, крестьянства, идеалы народничества и этическое учение Льва Толстого. Валентина тянуло к толстовству; как он сам говорил о себе, он стал «завзятым толстовцем»: спал на полу, на ковре и ездил за город косить рожь вместе с крестьянами. Именно знакомство с творчеством Толстого предопределило выбор между живописью и медициной в пользу последней.

В семье его увлечение толстовством восприняли резко негативно, пытаясь всеми силами отвести от него. Этому была и семейная причина. Старшая сестра Ольга психически заболела, эмоционально восприняв события на Ходынке в дни коронации Николая II. Речь идет о массовой давке, произошедшей ранним утром 18 мая 1896 года на Ходынском поле. По его периметру были построены временные «теат-

ры», эстрады, балаганы, лавки, в которых планировалась раздача бесплатных «царских гостинцев»: памятной коронационной эмалированной кружки, фунтовой сайки, полфунта колбасы, вяземского пряника, мешочка сладостей.

С вечера 17 мая на поле стали прибывать со всей Москвы и окрестностей люди, привлеченные слухами о подарках. К утру следующего дня собралось не менее 500 тысяч человек. Когда по толпе прокатился слух, что буфетчики раздают подарки среди «своих» и потому на всех подарков не хватит, народ ринулся к временным деревянным строениям. Полицейские не смогли сдержать натиск толпы. Раздатчики, понимая, что народ может снести их лавки и ларьки, стали бросать кульки с едой прямо в толпу, что лишь усилило сутолоку. Давка была ужасной.

О случившемся доложили московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу и императору Николаю II. Приказано было очистить место катастрофы от следов разыгравшейся драмы и продолжить программу празднования. Прибывший на поле император Николай II был встречен громовым «ура» и пением народного гимна. Празднества по случаю коронации продолжились вечером в Кремлевском дворце, а затем балом на приеме у французского посла.

Тот факт, что коронационные торжества продолжились после столь страшной катастрофы, вызвал серьезное возмущение в обществе. По официальным данным, на Ходынском

поле погибло 1389 человек, еще несколько сот получили увечья. По неофициальным данным, число погибших превысило четыре тысячи. В 1896 году на Ваганьковском кладбище на братской могиле был установлен памятник жертвам давки на Ходынском поле с выбитой на нем датой трагедии: «18-го мая 1896».

Ольга столь остро восприняла случившееся, что приняла решение покончить с собой и выбросилась из окна третьего этажа. В результате она получила множество травм и осталась калекой на всю свою короткую жизнь.

Мать боялась, что увлечение Евангелием и книгами Толстого может сказаться столь же неблагоприятно и на психическом здоровье Валентина. Тот, осознавая, что не сможет разубедить мать, 30 октября 1897 года написал Толстому письмо с просьбой повлиять на свою семью, а также просил разрешения приехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром. Он писал: «Убедите же, ради Бога, мою мать, что если она ждет от меня многого, то должна радоваться, что я еду в деревню. Убедите ее в том, что я принесу много пользы своей душе и немного пользы голодным, если проживу эту зиму в деревне... Нищий человек может сделать еще больше доброго, чем богатый, и что для того, чтобы исполнить заветы Христа, не нужно никаких особых средств, подготовки, а только любовь к людям... Растолкуйте [ей], что нельзя человеку глушить в себе голос совести, если он два года настойчиво требует одного и того же, что если человек не по-

следует этому голосу, голосу Бога, то он умрет духовно»¹⁶.

Упоминание в письме Валентина о голоде имело под собой вполне конкретное основание. В 1897 году голод поразил многие губернии: Воронежскую, Калужскую, Курскую, Оренбургскую, Орловскую, Пензенскую, Псковскую, Рязанскую, Ставропольскую, Тамбовскую, Тульскую, Уфимскую, Харьковскую; области Войска Донского и Акмолинскую; частично затронул Подольскую и Киевскую губернии. Приходится отмечать, что к сожалению, голод был регулярным и массовым явлением в царской России. Причин тому было несколько: засуха, неблагоприятная зима, нашествие насекомых-вредителей... Голодные годы повторялись с той же периодичностью, через восемь-одиннадцать лет, с какой случались неурожайные годы. В среднем в Европейской России ежегодно голодало 10 процентов населения.

Как свидетельствует со слов Войно-Ясенецкого один из его знакомых по Красноярску, Н. П. Пузин, Валентин получил ответ от Толстого. Правда содержание его не раскрывается. Долгие годы письмо Толстого хранилось у Войно-Ясенецкого, пока не пропало во время одного из обысков. В частности, Пузин в своих воспоминаниях пишет: «В конце войны, уже работая в музее-усадьбе Ясная Поляна, я стал

---

¹⁶ Цит. по: Пузин Н. П. Несколько штрихов к биографии профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки (По неопубликованным письмам и воспоминаниям) // Вестник РХД. 1994. № 170. С. 205–207. Ксерокопия письма опубликована, см.: *Георгий (Орабей), иерей*. Подвижник веры и науки. Пастырское служение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2020. С. 37–41.

разыскивать письмо Толстого к Войно-Ясенецкому. Оно пока не найдено и не учтено в юбилейном издании, но я нашел в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве письмо В. Ф. Войно-Ясенецкого к Л. Н. Толстому от 30 октября 1897 г., из Киева. На конверте рукой Толстого сделаны две пометы: “БО” – красным карандашом, и “Отв”. [ответать] – черными чернилами». Письмо В. Ф. Войно-Ясенецкого опубликовано. Однако, вопреки этому свидетельству, современные авторы из книги в книгу повторяют, что Толстой В. Ф. Войно-Ясенецкому не отвечал¹⁷.

Жестоким ударом для Валентина стало знакомство с запрещенной в России, но ходившей в списках среди студенчества, брошюрой Толстого «В чем моя вера». В воспоминаниях он писал: «Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий от подлинного христианства»¹⁸. Хотя и спустя годы, например, в письме А. М. Хирьякову¹⁹ (1913), Войно-Ясенецкий свидетельствовал: «Лев Толстой был для меня в пол-

---

¹⁷ См., например, *Каликинская Е.* Народный врач, ученый подвижник: Войно-Ясенецкий (святитель Лука Крымский) в Переславле-Залесском. М., 2017. С. 6.

¹⁸ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 13.

¹⁹ Хирьяков А. М. (1863–1940) – русский писатель и поэт, литературный критик, журналист, мемуарист. Неоднократно бывал в Ясной Поляне и общался с Л. Н. Толстым. Последователь учения Толстого, член Комитета по изданию его произведений, сотрудничал в толстовском издательстве В. Г. Черткова «Посредник». После Октябрьской революции эмигрировал из России, обосновался в Польше. Сотрудничал в русской эмигрантской печати.

ном смысле духовным отцом. Его нравственную философию я воспринял как близкую мне истину, под его влиянием решил труднейший для меня выбор между живописью и медициной, определил свой жизненный путь, свое отношение ко всему окружающему. Величайшая художественная ценность произведений Толстого находится в теснейшей связи с их неисчерпаемой моральной глубиной»²⁰.

Стоит отметить, что книга «В чем моя вера», как это было заведено в Российской империи, предварительно была направлена в Цензурный комитет. Председатель Комитета архимандрит Амфилохий, ознакомившись с ней, писал, что в книге столько высоких истин, что нельзя не признать их, и что он со своей стороны не видит причины не пропустить ее²¹. Книга вышла и пользовалась популярностью в студенческой и разночинной среде. В последующем некоторые православные богословы, например священник Александр Мень, чтобы как-то объяснить данный казус, выдвинули предположение, что цензор прочитал книгу невнимательно.

Интересно, что сказал бы В. Ф. Войно-Ясенецкий, если бы мог прочитать письма Л. Толстого от 1902 года, адресованные императору Николаю II и опубликованные только в 1917 году в журнале «Былое» (№ 1. С. 17–18):

---

²⁰ См. ксерокопию письма: *Георгий (Орабей), иерей*. Подвижник веры и науки. Пастырское служение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2020. С. 35.

²¹ См.: *Георгий (Орабей), иерей*. Подвижник веры и науки. Пастырское служение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2020. С. 44.

«Ваши советники говорят Вам, что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь, и будет свойственно до конца дней, и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти две связанные между собой формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда.

Во-первых, никак нельзя сказать, чтобы православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Из отчетов обер-прокурора Синода Вы можете видеть, что наиболее духовно развитые люди народа, несмотря на все невзгоды и опасности, которым они подвергаются, отступая от православия, с каждым годом всё больше и больше переходят в так называемые секты.

Во-вторых, если справедливо то, что народу свойственно православие, то незачем так усиленно поддерживать эту форму верования и с такой жестокостью преследовать тех, которые отрицают ее.

...Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с ней православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок,

казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Желание максимально быть полезным людям не пропало, и в 1898 году Валентин поступает на медицинский факультет Киевского университета, бывший одним из лучших в Российской империи и вполне соответствовавший общеевропейскому и мировому уровню. Среди его профессуры были светила мирового масштаба. Если поначалу учение «не захватило» Валентина, то потом он увлекся анатомией и блестяще учился.

Отметим деталь, о которой писал еще М. А. Поповский в своей книге «Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга». Изучая документы и материалы по истории Киевского университета на рубеже XIX–XX веков, автору не удалось обнаружить сведений или свидетельств о каких-либо общественно-политических предпочтениях и поступках студента В. Ф. Войно-Ясенецкого. Не встретил он его фамилии и в списках неблагонадежных по политическим основаниям студентов.

Однако в ходе наших исторических поисков обнаружилось и некоторое противоречие этим утверждениям. В личном листке по учету кадров, собственноручно заполненном В. Ф. Войно-Ясенецким 30 марта 1946 года для органов здравоохранения Тамбовской области, он, отвечая на во-

прос: «Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции», указал: «3 недели в Киевской тюрьме за участие в студенческой демонстрации. Изгнан из Фатежского земства за “неблагонадежность”»²².

Наверное, мы можем говорить о глубинных свойствах его характера: принятие де-факто существующего государственного и национально-конфессионального порядка, апатия к вопросам и поступкам политического свойства. Но его аполитичность никак нельзя принимать за космополитизм и отсутствие российского патриотизма. Не случайно же на вопросы товарищей по курсу о будущем студент Войно-Ясенецкий уверенно отвечал, что хочет служить людям, а потому намерен быть деревенским, мужицким врачом, чем приводил их в изумление. Они считали, что для него единственный путь – наука!

Осенью 1903 года Валентин Войно-Ясенецкий окончил университет, получив диплом лекаря с отличием. Но тотчас стать земским врачом не получилось. После выпускных экзаменов Валентин начал посещать в Киеве глазную клинику.

Слепота была бедствием в ряде российских губерний. Русская деревня с ее нищетой и грязью, отсутствием медицинских учреждений издавна была очагом трахомы – хронического вирусного заболевания глаз, которое при отсутствии лечения вело к образованию бельма и слепоте. Множество

---

²² ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 77. Д. 343. Л. 2.

жертв болезни-ослепительницы бродили по дорогам России, прося подаяние и помощи. Немало их было и в Киеве, и с ними неоднократно сталкивался молодой врач. Амбулаторного приема и операций в клинике ему казалось недостаточным, и он стал приводить больных к себе в дом. Как вспоминала Виктория, младшая сестра Валентина: «Наша квартира превратилась на какое-то время в глазной лазарет. Больные лежали в комнатах, как в палатах. Валентин лечил их, а мама кормила»²³.

...В ночь на 27 января 1904 года японский флот внезапно совершил нападение на российскую эскадру на рейде Порт-Артура, что означало начало Русско-японской войны. Русские войска терпели поражение, неся серьезные потери убитыми и ранеными. На Дальнем Востоке оборудовались многочисленные военно-полевые госпитали, куда направлялись врачи и медицинские работники со всей страны.

В Киеве, на базе Мариинской общины сестер милосердия, Красный Крест формировал военно-медицинский отряд, и выпускнику медфака предложили вступить в него. Сказал за него доброе слово и университетский профессор оперативной хирургии и топографической анатомии П. И. Морозов, заведовавший хирургическими курсами при Общине. Тот самый, что на выпускном экзамене сказал Валентину Феликсовичу: «Вы теперь знаете больше, чем я».

---

²³ Споров Б. Ф. Воин Христов. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). М., 2015. С. 24.

30 марта 1904 года поезд с отрядом Красного Креста выехал на Дальний Восток. Так случилось, что популярный петербургский еженедельный журнал «Нива» опубликовал на обложке одного из номеров большую фотографию киевского медицинского отряда. Белые длинные юбки, ослепительные воротнички и заколки миловидных сестер милосердия чередуются со строгими сюртуками и мундирами добровольцев-мужчин. Во втором ряду слева мы видим и младшего врача В. Ф. Войно-Ясенецкого, возмужавшего, отпустившего усы и бородку.

В течение всего трехнедельного пути молодой врач читал и штудировал медицинские издания, взятые им для работы в госпитале. Из окна вагона он познавал новые для него просторы родной страны. В одном из писем семье делился впечатлением: «Почти целый день сегодня едем тайгой. Какая глушь, какая дикая картина! Тайга не грандиозна, не величественна, но она глуха и мрачна; она какое-то лесное кладбище: бурелом, бурелом без конца, пни обломанные, мертвые стволы без вершин. Земля вся мокрая, повсюду лужи, кочки. Когда карабкаешься по этим стволам, приходят на память те бродяги, что ходили по этой тайге тысячи верст, и не верится, чтобы человек мог столько перенести. Поезд быстро мчится по тайге, и нельзя оторваться от дикой картины и от ощущения быстрой езды. Целую вас крепко, крепко, крепко. Посылаю один из множества цветов, собранных сегодня

в тайге. Целую всех. Валентин»²⁴.

Наконец, поздним апрельским утром поезд прибыл на конечный пункт – в Читу. Во вновь оборудованном эвакуационном госпитале было два хирургических отделения: одним заведовал опытный одесский хирург, а другое главный врач отряда поручил Войно-Ясенецкому, хотя в отряде были хирурги значительно старше и опытнее.

Работа поглотила молодого врача. Он оперировал много. Помощником ему была книга известного французского хирурга Лежара «Неотложная хирургия» – классическое руководство по военно-полевой хирургии, рассматривавшее к тому же различные способы местного обезболивания, которое тогда только-только начинали применять при операциях.

Как правило, раненых доставляли в госпиталь в течение трех-пяти дней, и многие раны покрывались гноем, а как бороться с этим явлением, на медицинском факультете не учили. Более того, самого понятия «гнойная хирургия» не существовало; соответственно, не существовало никаких методов и практики, в том числе обезболивания и анестезиологии. В сложных обстоятельствах приходилось ежедневно, днем и ночью, делать десятки операций, быстро определяя характер ранений и ставя диагноз. Молодому врачу приходилось оперировать большие суставы, ампутировать конечности, удалять внутренние органы, сшивать части челове-

---

²⁴ Цит. по: Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2017. С. 45–46.

ского тела, работать скальпелем, долотом, пилой, молотком. Уже через пару месяцев недавний выпускник медицинского университета превратился в универсального врача военно-полевого госпиталя. Он писал домой: «Стал сразу делать крупные операции на костях, суставах и черепе. Результаты работы были вполне хорошими, ошибок я не делал, несчастий не было»²⁵.

Здесь же, в Чите, Валентин ближе познакомился с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской, дочерью управляющего помещьем в Черкасской губернии на Украине. До этого она работала в Мариинской общине сестер милосердия в Киеве, где ее называли «святой сестрой» за доброту, кротость и глубокую веру в Бога. Она покорила Валентина не столько своей красотой, сколько исключительной добротой.

В госпитале ей было определено место на первом участке, где происходила сортировка поступавших раненых и больных. Привозимые в отряд на подводах сотни и сотни покалеченных, сломанных и истекающих кровью солдат умоляли скорее оказать им помощь, кричали, стонали, плакали. Хрупкая на вид девушка научилась необычайно стойко преодолевать себя и владеть ситуацией. Она не мчалась к тем, кто громче всех кричал, а шла к тем, кто безмолвствовал. Их молчание означало, что у них либо нет сил говорить, либо их жизнь уже на исходе. Этих тяжелых раненых она срочно от-

---

²⁵ Крестный путь святителя Луки (Войно-Ясенецкого): жизнеописание, чудеса, акафист. М., 2018. С. 38.

правляла на операционный стол, благодаря чему удавалось многих из них вовремя прооперировать и спасти.

Валентин сумел добиться расположения Анны, и 10 октября 1904 года они обвенчались в Читинской церкви Михаила Архангела. Церковь эта, построенная из толстых лиственничных бревен в 1776 году на пожертвования горожан, получила в народе наименование «церкви декабристов», поскольку она была непосредственным свидетелем жизни 85 декабристов, находившихся в Читинском остроге с 1827 по 1830 год. В ее стенах обвенчались Иван Анненков и французка Полина Гебль, Дмитрий Завалишин и Аполлинария Смольянинова. В 1923 году церковь была закрыта, использовалась она под общежитие, соляной склад. В 1985 году, к 160-летию восстания декабристов, в здании был открыт музей декабристов, действующий по сей день и повествующий о жизни ссыльнокаторжных и их жен в Чите.

В дальнейшем Анна Васильевна оказывала мужу важную помощь в амбулаторном приеме и ведении личных историй болезни пациентов.

В конце зимы 1905 года раненых стало поступать все меньше и меньше. Война приближалась к завершению. Госпиталь сворачивал свою деятельность. Молодой семье следовало думать о дальнейшей судьбе.

Интересно прочертить исторические взаимосвязи. Внук владыки Луки, Алексей Михайлович (род. 1935), окончил в 1958 году 1-й Ленинградский медицинский институт име-

ни академика И. П. Павлова. Его супругой стала Елена Михайловна, выпускница того же медицинского вуза. Семья молодых врачей поехала работать в Читу, где в 1904 году начинал трудиться врачом-хирургом их знаменитый дед В. Ф. Войно-Ясенецкий. Алексей Михайлович работал хирургом урологического отделения в Читинской областной больнице, а Елена Михайловна – сначала врачом в городском роддоме, а потом преподавателем на кафедре патофизиологии в Читинском медицинском институте.

...Желание стать земским врачом и послужить наиболее нуждающейся части российского общества не отпускало Войно-Ясенецкого, и в этом его поддерживала жена. На тот момент в России действовали земские больницы не менее чем в 35 губерниях, где организовано было земское самоуправление. То есть можно было выбрать новое место приложения молодых сил.

Один из излеченных офицеров пригласил молодую семью к себе в Симбирск – пожить там, пока они не выберут новое место работы.

Глава 2

Земский доктор 1905–1917

У земского врача, каким я был тринадцать лет, воскресные и праздничные дни самые занятые и обремененные огромной работой. Поэтому я не имел возможности ни в Любаже, ни в Романовке, ни в Переславле-Залесском бывать на богослужениях в церкви и многие годы не говел.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Земская медицина в Российской империи

Годом рождения земской медицины принято считать 1864 год, когда было введено «Положение о земских учреждениях», обязавшее земства осуществлять «попечение в пределах, законом определенных и преимущественно в хозяйственном отношении, о народном здравии». Однако «попечение о народном здравии» было отнесено к числу необязательных повинностей земства. Закон обязывал земства только содержать переданные им учреждения бывших приказов общественного призрения (519 больниц, 33 «приюта

для умалишенных», 113 «богаделен и домов для неизлечимых» и 23 «сиротских дома») и принимать меры к организации оспопрививания.

Организация земской медицины предусматривала разделение уезда на врачебные участки (по пять-шесть на уезд) с больницей в каждом. Лечебница участка должна была обеспечивать медицинской помощью все население в радиусе пятнадцати верст. На практике радиус обслуживания участковым врачом был намного больше. В среднем в центральной России одна лечебница приходилась на сто селений и двадцать тысяч жителей, а в Восточной России – на триста-четырееста селений и пятьдесят-шестьдесят тысяч жителей. Общее руководство земской медициной осуществляли совещательные «врачебные» или санитарные советы, куда входили все земские врачи, несколько гласных по выбору земского собрания и членов земских управ.

Из многочисленных инфекционных болезней, имевших распространение в России во второй половине XIX и начале XX века, одно из первых мест занимала холера. Холерные эпидемии многократно повторялись и уносили значительное количество жертв. В эпидемию 1892 года умер 300 821 человек, что составляло половину заболевших. Широко были распространены и другие заразные болезни. В 1894 году, по неполным официальным данным, от оспы, скарлатины, дифтерии, кори, тифов и дизентерии умерло 550 500 человек. Смерть от инфекционных болезней составляла в разные го-

ды 30—40 процентов общей смертности.

В первые годы в земской медицине практиковалась так называемая разъездная система медицинского обслуживания: врач, живший в городе или в уезде при амбулатории, должен был время от времени (раз в месяц или реже) объезжать фельдшерские пункты уезда, во главе которых стояли фельдшера, имевшие краткосрочную медподготовку, для контроля за их деятельностью и оказания врачебной помощи населению. Земства оправдывали существование такой системы соображениями экономии и необходимостью «уравнительного обслуживания» всего крестьянского населения, поскольку оно уплачивало общий уравнительный земский сбор. Большинство земских врачей отрицательно относилось к разъездной системе, указывая, что «врач всегда в езде, а больные не знают, где найти врача».

Начальный период земской медицины характеризуется упорной борьбой земских врачей с хозяевами земств не только за признание необходимости врача в деревне, но и за введение стационарной системы вместо разъездной. При этом под «стационарной» системой в данном случае понималось не наличие коечных учреждений, а постоянное пребывание врача в определенном месте. Не случайно, что врачебные съезды в 70—80-е годы XIX века требовали отмены разъездной системы.

Кое-где прижилась и смешанная форма обслуживания больных, когда врачи жили и работали в постоянных врачеб-

ных пунктах, а выезжали из них только в экстренных случаях: при отравлениях, трудных родах, тяжелых травмах, эпидемиях и др.

В начале 1880-х годов разъездная система существовала в 134 уездах, в 206 была смешанная, и только в 19 уездах появилась стационарная. Через двадцать лет, к 1900 году, смешанная система была представлена в 219 уездах, разъездная сохранилась только в двух, а 138 уездов перешли на стационарную систему.

Появление в земствах двух и более врачей на уезд создало возможность разделения территории на участки в соответствии с количеством врачей и постоянного (стационарного) размещения их в определенных пунктах уезда, не обязательно с наличием больницы. Тем самым впервые зародилась система медицинского обслуживания, впоследствии переросшая в участково-территориальную.

Увеличение числа врачей и медицинских учреждений на селе поставили вопрос об их правильном размещении. Врачебный участок должен был включать участковую лечебницу, в которую входили:

- 1) стационар (как правило, на 5—10 коек) с родильным и сифилитическим отделениями;
- 2) заразный барак;
- 3) амбулатория для приема проходящих больных.

Предусматривались также помещение для аптеки, квартира для врача, дом для персонала. Однако во многих земствах

существовали не все эти структурные подразделения. Земские медицинские деятели полагали, что врачебный участок на селе должен иметь радиус в пределах 10 верст, площадь 314 квадратных версты с населением на участке 6–6,6 тысячи человек.

Обращаемость сельского населения в участковые лечебницы находилась в прямой зависимости от расстояния: при расстоянии до участковой лечебницы в 5–6 верст обращаемость была близка к 100 процентам (от всех заболевших), при расстоянии в 7—12 верст падала до 50 процентов, а при большем расстоянии, учитывая плохое состояние дорог, едва достигала 20 процентов.

Наряду с земским врачебным участком в земской медицине сформировались земские уездные и губернские больницы, возникшие в результате реорганизации приказов общественного призрения в уездных и губернских центрах. Эти больницы были реконструированы, коечный фонд расширен. В губернских больницах создавались прозектура, операционные нового типа, расширялся штат врачей и другого медперсонала.

Таким образом, к началу XX века сложилась структура организации медицинского обслуживания сельского населения, включавшая три звена врачебной помощи: земский врачебный участок – уездная больница – губернская больница. Однако в дальнейшем в связи с недостатком лечебных стационарных учреждений, врачей и другого медперсонала эта

структура не получила последовательной и повсеместной реализации.

Симбирская губерния.

Город Ардатов. 1905

В конце февраля 1905 года Войно-Ясенецкий получил место земского врача больницы в уездном городе Ардатове Симбирской губернии²⁶. По мерке тех лет больница относилась к разряду средних. Кроме амбулатории, у нее был стационар на тридцать пять коек. Персонал больницы состоял из двух человек: заведующего и фельдшера. Население города не превышало шести тысяч человек, тогда как в уезде насчитывалось около 20 тысяч человек, разбросанных по малым населенным пунктам, отстоявших порой от уездного города на 15 и более километров. Круг обязанностей земского врача мало отличался от работы военно-полевого хирурга: та же непрерывная чередка больных в течение 14–16 часов рабочего дня, те же стоны и страдания измученных болезнью людей. Заведующий был в одном лице главным врачом и главным хирургом, акушером и педиатром, терапевтом и окулистом, отоларингологом, онкологом и проктологом. Вот

---

²⁶ Город Ардатов основан в 1688 году. В начале XX века в городе насчитывалось 5841 житель, 924 дома, два православных собора, три православных церкви и одна часовня; женская прогимназия, уездное училище, три городских начальных училища и волостное начальное училище, 39 лавок и 70 магазинов для склада товаров, четыре кожевенных и два овчинных заводов; пивоваренный, солодовенный, кирпичный заводы; спичечная фабрика и 12 мукомольных мельниц.

когда полностью был востребован опыт работы в военно-полевом госпитале! Добавлялась и обязанность при необходимости посещать больных на дому.

Кроме чисто врачебной деятельности на Войно-Ясенецкого возложена была обязанность заниматься организацией здравоохранения в земстве, проводить профилактические прививки, открывать детские сады и дома для престарелых. Надежным помощником ему стала супруга Анна Васильевна, нередко помогавшая в амбулаторных приемах больных.

Несмотря на немыслимые нагрузки, Войно-Ясенецкий постоянно и аккуратно делал стенографические заметки обо всех своих операциях, понимая, что собираемый материал поможет при научном осмыслении наиболее часто встречаемых заболеваний. Через эти сохранившиеся записи мы узнаем, что пациентами его были в основном женщины и дети. Причины, которые приводили их к доктору, – всякого рода удары и ушибы, травмы и ранения, воспаления и гнойные заражения. Приведем один фрагмент из истории болезни двенадцатилетнего крестьянского мальчика, сбитого с ног короной и в течение восьми дней остававшегося дома без оказания помощи:

«Уже на другой день у него внезапно начались сильные боли в нижнем конце бедра и лихорадка настолько интенсивная, что по ночам он бредил. При поступлении в больницу мальчик был бледен, имел очень измученный вид, со страхом оберегал большую ногу от всякого движения и при-

косновения; температура у него 39,6, пульс 104 в минуту. На внутренней стороне нижнего конца бедра заметна небольшая припухлость, при прощупывании которой мальчик чувствует сильную боль. Я без всякого колебания распознал остеомиелит бедра и безотлагательно приступил к операции. Она была выполнена в 15 минут... Рана заживала без всяких осложнений, но температура долго оставалась высокой и пришла к норме только через месяц после операции. Мальчик пролежал в больнице полтора месяца и выписан здоровым»²⁷.

Для всех земских больниц типичной проблемой было отсутствие квалифицированных медсестер. При проведении сложных операций случалось, что непрофессионально выполненный наркоз приводил к смертельным исходам. Эта проблема уже тогда заставила задуматься молодого хирурга. Как в последствии он записал в своей автобиографии: «В Ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости по возможности избегать наркоза и как можно шире заменять его местной анестезией»²⁸.

---

²⁷ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2017. С. 54.

²⁸ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 17.

Курская губерния. Деревня Верхний Любаж, город Фатеж. 1905–1908

Невыносимые нагрузки и трудности работы в Ардаатовской больнице, да к тому же весьма скудное жалование и бытовая неустроенность, заставили Войно-Ясенецкого искать другое место работы. В том числе и для того, чтобы получить время для научной работы.

Как он узнал о вакансии заведующего маленькой участковой больницы на десять коек в деревне Верхний Любаж Курской губернии, остается загадкой. Но в журнале Фатежского санитарного совета от 11 октября 1905 года имеется запись: «Председатель управы [Ф. А. Полторацкий] сообщил о ходе переписки по приглашению врача Войно-Ясенецкого»²⁹.

В ноябре 1905 года семья Войно-Ясенецких переехала в Верхний Любаж. Населенный пункт вел свою историю с XIV–XV веков. Название носило местный диалектный отенок; его можно перевести как «любимый, хороший, удобный». Не позднее середины XIX века деревня разделилась на Верхний, Средний и Нижний Любажи³⁰.

---

²⁹ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2017. С. 56.

³⁰ В 1862 году в деревне было 40 дворов, проживало 832 человека (390 мужского пола и 442 женского). Население деревни до 1905 года было приписано к приходу Георгиевского храма соседнего села Игино. В 1905 году в Верхнем Лю-

Верхнелюбажский врачебный участок был только образован и еще не обустроен. Кроме названной деревни, в него входили еще несколько деревень и сел. Время приезда молодого врача совпало с развитием эпидемий брюшного тифа, кори и оспы, и основные силы и время первоначально были брошены на борьбу с ними.

Кроме того, Войно-Ясенецкий опять участвовал в земской работе, занимался проведением профилактическо-организационных работ. Сохранились протоколы заседаний Фатежского уездного санитарного совета, на который земством возлагалась работа по всем вопросам оздоровления местного населения. Из них мы узнаем, что Войно-Ясенецкий постоянно отстаивал меры санитарного оздоровления, проведения прививок, установления противоэпидемических мероприятий, возвращения с воинской службы земских врачей, созыва съезда врачей, постройки заразных барачков в сельских больницах, посещения школ врачами. Для участия в этих заседаниях доктор готовил ежемесячные ведомости по своему участку, а дважды в год готовил отчеты.

Очень часто после заседаний, уже в позднее время, он возвращался в свою больницу и оперировал. Молодой врач

баже был возведен деревянный храм, освященный в честь Димитрия Солунского. В 1935 году храм был закрыт, а здание отдано под сельский клуб. В 1980-е годы пожар почти полностью уничтожил деревянное здание храма, но оно было восстановлено в кирпичном исполнении и послужило людям до 1998 года как сельский дом культуры. В тот же год здание было возвращено православной общине.

пользовался авторитетом, к нему обращались крестьяне всей Курской и соседней Орловской губерний. Больных становилось все больше, а очередь в амбулаторию – все длиннее. Цифра ежедневных приемов перевалила далеко за сто человек. Принимать амбулаторных больных, оперировать в больнице с девяти утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку, а по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для статей... И так каждый день! Скоро для всего этого не стало хватать даже и молодых сил Валентина Феликсовича. Он обратился в Совет с просьбой, можно ли упорядочить его напряженнейший рабочий день. В журнале заседания оставлена запись:

«Врач Ясенецкий-Войно просил указаний со стороны санитарного совета, как вести ему прием больных при большом их наплыве, когда прием занимает у него целый день и нет возможности выезжать к больным на дом. По мнению врача, необходимо приглашение третьего фельдшера и ограничение приема до 60 чел. в день. Санитарный совет согласился на такое ограничение, но постановил, что оно должно прежде всего распространяться на иногороднее население и что тяжелые больные не должны подвергаться ограничению. Кроме того, постановлено пригласить в 3-й участок третьего школьного фельдшера и нанять второго служителя (мальчика)»³¹.

---

³¹ Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хи-

Хирургический опыт врача постоянно обогащался. В Любаже он сделал первую трахеотомию – хирургическую операцию, заключающуюся в рассечении передней стенки трахеи с целью ликвидации острой асфиксии (удушье), а также проведении диагностических и лечебных вмешательств с последующим зашиванием операционной раны. В своей автобиографии он пишет:

«Я приехал для осмотра земской школы в недалекую от Любажа деревню. Занятия уже кончились. Неожиданно прибежала в школу девочка, неся в руках совершенно задыхающегося ребенка. Он поперхнулся маленьким кусочком сахара, который попал ему в гортань. У меня был только перочинный ножик, немного ваты и немного раствора сулемы. Тем не менее, я решил сделать трахеотомию и попросил учительницу помочь мне. Но она, закрыв глаза, убежала. Немного храбрее оказалась старуха-уборщица, но и она оставила меня одного, когда я приступил к операции. Я положил спеленутого ребенка к себе на колени и быстро сделал ему трахеотомию, протекшую как нельзя лучше, вместо трахеотомической трубки я ввел в трахею гусиное перо, заранее приготовленное старухой. К сожалению, операция не помогла, так как кусочек сахара застрял ниже – по-видимому, в бронхе»³².

пурга Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2017. С. 60–61.

³² Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 18–19.

О наиболее редких и интересных случаях из своей практики Войно-Ясенецкий готовил статьи для публикации в медицинских журналах. Первыми из них стали: «Невроматозный элевфантиаз лица, плексиформная неврома»³³ и «Случай ретроградного ущемления кишечной петли в паховой грыже»³⁴.

Одновременно молодой врач постоянно знакомился с новой научной литературой, как русской, так и иностранной. Огромное впечатление на него произвела книга немецкого хирурга Генриха Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения» (1905). Именно из нее он впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой только-только были описаны. Идея немецкого врача состояла в том, что не надо во время операции «отключать» весь организм больного, надо ввести анестезирующий раствор в нерв, подходящий к больному органу и тем самым «отключать» только область оперируемого больного органа.

В России способы обезболивания во время операций находились в стадии начальной разработки. Наука анестезиология еще только зарождалась, хотя эфирный наркоз был применен «отцом русской хирургии», великим русским хи-

---

³³ Невроматозный элевфантиаз лица, плексиформная неврома // Хирургия. 1908.

³⁴ Случай ретроградного ущемления кишечной петли в паховой грыже // Хирургия. 1908.

рургом и ученым анатомом, основоположником русской военно-полевой хирургии Николаем Ивановичем Пироговым (1810–1881) еще во время Крымской войны (1853–1856). Однако на медицинских факультетах этому искусству не обучали, и, как написал Войно-Ясенецкий во «Врачебной газете» (1908), выпускник медик «не выносил из университета умения наркотизировать и должен сам этому учиться... Этому навыку, от которого зависит жизнь больного, в университетском образовании отведено меньше места, чем минералогии»³⁵.

На свой страх и риск земские врачи пытались применять для обезболивания эфирный или хлороформный наркоз, действие которого сравнивали с сильным опьянением. Но такие наркозы нередко приводили к передозировке и гибели пациентов. Поэтому среди земских врачей, работавших в более чем скромных условиях, сложилось стойкое предубеждение к применению наркоза, и они старались вообще избегать его в своей практике либо прибегали к нему исключительно в экстренных случаях. Это отрицательно сказывалось на больных. Мало того, что им приходилось испытывать сильную боль при операции, но хирург, видя страдания больного, сокращал объем хирургического вмешательства, и нередко оно становилось малоэффективным.

Валентин Феликсович поставил себе задачу заняться раз-

---

³⁵ О способах анестезии, наиболее удобных в земской практике // Врачебная газета. 1908. № 47. С.1365–1392.

работкой методов регионарной анестезии.

Последнее упоминание фамилии Войно-Ясенецкого в журнале Фатежской уездной санитарно-исполнительной комиссии датировано 29 октября 1907 года. В этом заседании комиссии вновь обсуждались вопросы борьбы с эпидемиями холеры и оспы.

В октябре 1907 года Войно-Ясенецкий был переведен в порядке повышения в уездную больницу в город Фатеж со стационаром на 60 коек и назначен заведующим хирургическим отделением. Однако проработал там хирург недолго. Именно здесь у счастливых супругов родился первенец – мальчик, которого нарекли Михаилом.

Первоначально Валентин Феликсович проводил хирургические операции в здании богадельни, но поднимал вопрос о строительстве отдельного помещения. По его настоянию главное здание больницы было переоборудовано в хирургическое отделение. В нем открыли операционную комнату с верхним светом, предоперационную, перевязочную, операционную для гнойных больных. Отремонтировали и покрасили пол, окна и двери, исключили сообщения между палатами. В начале 1908 года стараниями Валентина Феликсовича были сложены печи для сжигания перевязочного материала, до этого разбрасываемого по территории больницы, осуществлен ремонт прачечной. Наблюдалось исправное получение жалованья медицинским персоналом, чего «давно уже не было», как свидетельствовали сотрудники земской управы.

вы.

Город был известен большим числом церквей. Через него проходил путь в Глинскую Рождествено-Богородицкую пустынь, куда ежегодно стекались тысячи паломников поклониться чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы. Посетил эту пустынь и Войно-Ясенецкий. При встрече настоятель монастыря, игумен Исайя, имел с ним долгую беседу, показал монастырскую больницу, аптеку с запасом медикаментов и хирургических инструментов.

Фатежский уезд, как вспоминал Войно-Ясенецкий, был «гнездом самых редких зубров-черносотенцев»³⁶. Самым известным из них, по воспоминаниям Валентина Феликсовича, был председатель земской управы Л. П. Батезатул, задолго до Первой мировой войны прославившийся своим законопроектом о принудительной эмиграции в Россию китайских крестьян для передачи их в рабство помещикам.

Следует указать, что, по всей видимости, В. Ф. Войно-Ясенецкий не совсем точен: все-таки вспоминал он эти события спустя 50 лет. Анонимную брошюру, в которой содержались подобного рода мысли, издал в 1904 году Г. М. Батезатул – родственник Л. П. Батезатула. Прочитируем некоторые пассажи из брошюры: «Волей-неволей нам предстоит борьба на жизнь и смерть с желтой расой, и если мы будем победителями, то неминуемо должны завладеть

---

³⁶ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995. С. 19.

частью Китая, если же мы будем побеждены, то попадем сами в Монгольское рабство... Покорение нас желтолицыми начнет и даже начинается уже совершаться мирным путем, когда они в виде дешевой неприхотливой рабочей силы двинутся в Россию»³⁷. Данная работа даже официальными властями была воспринята как крайне радикальная и была тут же конфискована.

Председатель управы Л. П. Батезатул с первых дней невзлюбил Войно-Ясенецкого. А когда стало известно, что тот отказался немедленно, оставив все дела, отправиться к заболевшему исправнику, то и вовсе зачислил его в «революционеры». Войно-Ясенецкий одинаково относился ко всем людям, не различая их по положению и достатку, и, естественно, не мог бросить пациента, которому он в тот момент оказывал помощь. Исправник принялся кляузничать и слать доклады «наверх». В итоге личным постановлением председателя управы Войно-Ясенецкий был уволен со службы. Но тем дело не кончилось. В базарный день один из вылеченных врачом слепых влез на бочку, произнес зажигательную речь по поводу его увольнения, и под его предводительством толпа народа пошла громить земскую управу, здание которой находилось на базарной площади.

Друзья Валентина Феликсовича попытались отстоять талантливому врачу. На одном из заседаний земского собрания 23 сентября 1908 года гласный Ф. Ф. Янкович доложил,

---

³⁷ Китай или мы. 1904. С. 114–120.

что неоднократно ставил вопрос о правомочности увольнения врача Войно-Ясенецкого. Батезатул заявил, что не позволит касаться этого вопроса, но остальные гласные поставили его на обсуждение, заявив, что правом увольнять земских чиновников председатель управы не обладает. Для решения данного вопроса необходимы голоса большинства членов земской управы.

Через три дня управа рассматривала заявление Валентина Феликсовича о выплате ему компенсации за последние три месяца, в течение которых он вынужденно находился без работы. О поддержке Войно-Ясенецкого заявил даже предводитель дворянства Н. Н. Богданов. Присоединил свой голос и настоятель городского Богоявленского храма отец Александр Молотков, который к тому же интересовался, почему «отличный хирург и прекрасный врач был уволен». Но Батезатул воспользовался правом председателя и дебаты прекратил. Вопрос о компенсации большинством голосов отклонили.

Семье Ясенецких пришлось покинуть Фатеж. В январе 1908 года они переехали на Украину, в город Золотоношу, к родным Анны Васильевны. Известно, что три летних месяца Валентин Феликсович проработал земским врачом в больнице небольшого старинного казацкого села Деньгі. Об этом, в частности, мы узнаем из Приложения к Отчету Золотоношской земской управы за 1908 год, в котором сообщалось: «В Деньговском участке врач фон Крузе уволен 21

июня 1908 г., а его место занял лекарь Ясенецкий Войно, который потом уволен по прошению 16 сентября этого же года». Отмечалось, что в Деньговской участковой больнице в 1908 году было сделано 114 операций. Можно с уверенностью предполагать, что бóльшую их часть выполнил Войно-Ясенецкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.